

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2016. Т. 17. С. 109–125

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 392.311+398.93

Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности*

А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян

Амурский государственный университет

Аннотация. Статья основана на материалах полевых исследований 2015–2016 гг. русскоязычной диаспоры Трёхречья – Саньхэ цюй (Внутренняя Монголия, КНР) и посвящена этнокультурным стратегиям сохранения русской идентичности в китайской среде. Авторы приходят к выводу о том, что для этой группы одним из важнейших факторов сохранения русской идентичности являются язык и фольклор. В русскоязычной диаспоре Трёхречья, долгое время не имевшей доступа к образованию, церковной жизни, устоям мировоззрения страны исхода, фольклор выполнял задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти и важнейших представлений, свойственных русской культуре. Публикуются и анализируются ранее неизвестные фольклорные тексты. Отличительными чертами фольклора трёхреченцев являются бытование его архаических вариантов и появление инокультурных мотивов и образов. Русский фольклор обнаружил свойственную его глубинной природе гибкость, живучесть и устойчивость к инокультурным влияниям. Функционируя на низовом, семейно-бытовом уровне, он выдержал жесткое давление «культурной революции» и иных политических кампаний, которые до основания подорвали другие, более выраженные устои образа жизни русских в Трёхречье.

Ключевые слова: Китай, Трёхречье, миграции, этнография, язык, фольклор, этничность.

Введение

Этнографическое изучение русских является не только одной из наиболее важных, но также и наиболее сложных проблем. Сложность проблемы обусловлена многими обстоятельствами – темпоральной глубиной исследования, уводящей к индоевропейским истокам этногенеза, трансформациями русской культуры под влиянием внутренних и внешних процессов – христианизации, реформ, расколов, революций, рецепций инокультурных образцов и т. д. К важнейшим факторам, осложняющим изучение этнической культуры русских, относятся широкие пространственные границы расселения русских и протя-

---

* Публикация подготовлена в рамках работы по гранту РФФ «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

женность русской культуры в географических пределах. «В разных регионах русские поселенцы приобретали ранее не свойственные им антропологические черты и у них возникали местные языковые особенности» [Русские ..., 2005, с. 8]. Этим в немалой степени определяется локальное многообразие русской этнокультурной традиции, формирование диалектных особенностей и субкультур.

Сопряжение русских с иноэтническими культурами в пределах расселения вело, как правило, к синкретизации и размыванию основ русской идентичности. Эти процессы происходили в центре (например, в столице в эпоху реформ Петра) и на периферии существования этноса. В этих условиях особое значение приобретали стратегии сохранения и воспроизводства этнокультурных констант, фундирующих русскую идентичность. В данной статье реконструируются стратегии, проявившие себя в условиях восточной периферии существования русской этнокультурной формации – в Китае, где в начале XX в. сформировался особый анклав расселения русских.

Материалы

Впечатляющим результатом развития русской этнолокальной общности, сложившейся в дальневосточном порубежье на пересечении русской и китайской культурных формаций, является Харбин. Здесь и по линии КВЖД в первой половине XX в. сложилась довольно мощная русская диаспора, насчитывавшая в 1930-е гг. до нескольких сот тысяч человек. В ее среде действовали вполне эффективные способы сохранения и развития русской идентичности [Забияко, Эфендиева, 2009; Русский Харбин ... , 2015; Забияко, 2016]. Однако этнокультурная стратегия харбинской диаспоры не смогла стать универсальным образцом для всех русских этнических сообществ, развивавшихся в китайской культурной среде.

Примерно в те же годы, когда складывалась харбинская диаспора, на территории Северной Маньчжурии, на правом берегу р. Аргуни, формировался другой русский анклав. Впоследствии его население составило так называемую русскую народность Китая. «Русская народность Китая», «русская национальность Китая» – официальное именование этнических русских, одного из 55 национальных меньшинств Китая [Qing Jue, 2011; Dong Xian Rui, Yan Guang Qing, 2013; Zhang Xiao Bin, 2015; Тарасов, 2014].

Жизнь русскоговорящего населения Трёхречья является результатом длительной истории формирования русского анклава на этих землях. В середине XVII в., когда значительная часть огромной территории современного Северо-Восточного Китая, Забайкалья и Приамурья еще не имела закрепленного межгосударственными договорами статуса, на правобережье р. Аргуни начали переселяться русские. Во второй половине XVII в. по условиям Нерчинского договора 1689 г. этот край официально отошел к Китаю. Однако в силу удаленности от основной части Цинской империи и малочисленности населения правобережье Аргуни, и прежде всего бассейн трех ее притоков – рек Ган, Дербул и Хаул, оставалось территорией, на которой временно или постоянно проживали русские. До середины XIX в. русское население было крайне небольшим. Оно состояло из промысловиков, казаков, уехавших из родных деревень россий-

ского левобережья Аргуни через границу в Китай с целью охоты и покоса сена, строивших там временное жильё – заимки, а также из беглых преступников, каторжан. Во второй половине XIX в. русское население начинает быстро расти и обустраиваться, отстраивая традиционные русские избы и закладывая деревни. Китайские власти этому не препятствовали, поскольку благодаря труду русских земледельцев и предприимчивости купечества край начал экономически развиваться, принося через налоги деньги в казну разоренной войнами Цинской империи. Русские деревни становились пунктами притяжения для китайских крестьян, оседавших рядом с русскими, и местного монгольского, бурятского, тунгусского населения, включавшегося в обмен товарами и культурными навыками. Начал формироваться полиэтничный – преимущественно русский – анклав, получивший название Трёхречье (кит. *Саньхэ цюй*).

В 1920-х гг. в Трёхречье существовало более двадцати основанных и заселенных почти поголовно русскими деревень (русские – 2130 человек, 92 %; китайцы – 200 человек, 8 % населения). Трёхречье входило в состав более крупного территориального образования, которое называлось Барга (Хулуьбуир). В силу пограничного с Россией положения и присутствия КВЖД территория Барги тоже в значительной мере была населена русскими (русские – 4619 человек, 46 %; китайцы – 22 %; другие этносы – 3110 человек, 32 %) [Кормазов, 1928, с. 44–51].

В 1920–1930-е гг. события Гражданской войны и коллективизации стали причиной роста в Трёхречье русского населения за счет беженцев и враждебных советской власти казачьих формирований. По разным данным, в 1930-е гг. здесь проживало около 20 тыс. людей, относившихся к группе русских. Увеличение миграционного потока за счет выходцев из России не привело, однако, в отличие от Харбина, к существенному изменению социокультурного состава населения: оно по-прежнему оставалось преимущественно казачьим и крестьянским, укорененным в традиционной культуре русской забайкальской деревни [Аргудяева, 2015].

Историческая судьба этого населения по окончании Гражданской войны представляет собой череду преодолений тяжелейших внешних испытаний. Жители Трёхречья страдали и от белогвардейцев атамана Г. М. Семёнова, и от карательных набегов красных отрядов, совершавших рейды на китайскую территорию, и от японской военщины, захватившей Маньчжурию в 1931–1945 гг. Победа над Японией и образование КНР обернулись для русских Трёхречья вначале репрессиями со стороны советской власти по обвинению в пособничестве белым и японцам, арестами, насильной или полудобровольной высылкой в СССР; потом, в годы «культурной революции» и борьбы с «советским империализмом», – репрессиями со стороны китайских властей по обвинению в пособничестве СССР. Более 50 лет политический террор, демографические тиски, экономические тяготы, культурные и образовательные ограничения деструктивно воздействовали на русскую диаспору Трёхречья.

В настоящее время в Трёхречье существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном люди, родившиеся в смешанных браках («полукровцы», как они себя называют). По разным данным, к таким рус-

ским себя относит более тысячи человек [Тарасов, 2014]. Это люди в возрасте преимущественно старше 50 лет. Их образ жизни связан с деревенским укладом и крестьянским трудом, в последние 20 лет сочетающимися у некоторых с мелкой торговлей и обслуживанием туризма. Русских школ здесь нет уже более 50 лет. Многие жители старшего поколения не смогли из-за бедности многодетных семей, тягот послевоенных лет и событий «культурной революции» получить даже начальное или среднее образование в китайских школах, поэтому остались неграмотными или малограмотными. В условиях практически полной изоляции от России, ее языка, литературы, музыки и других сторон культуры потомки русских в Трёхречье, тем не менее, сохранили русское этническое самосознание и основы русской культуры [Кляус, 2015, с. 19–60; Забияко, Забияко, 2015].

Фольклор русских в Трёхречье (речь идет о поколении 60–80-летних информантов, «старушек») – действительно живая стихия, то, что называется «фольклорной реальностью». В обыденной жизни русские трёхреченцы общаются, как правило, по-китайски. В праздничные дни или во время встреч их обращение к фольклору – это погружение в стихию материнского языка, возможность вспомнить забытые слова и песни, бойко пошутить по-русски, да так, чтобы подчеркнуть свою уникальность среди китайского большинства [Забияко, Забияко, 2016]. Иногда русский язык становится «этнокультурным аргом», средством сообщения полукровцев друг с другом. Подобная этнокультурная стратегия в условиях дальневосточного фронта обладает большим потенциалом витальности.

Фольклорные жанры трёхреченских русских были собраны в результате трех международных экспедиций, в которых принимали участие специалисты – этнографы, религиоведы и филологи (июнь 2015 г., участники – А. П. Забияко, А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзянлинь; сентябрь 2015 г., участники – А. П. Забияко, А. А. Забияко, Чжан Жуян; май 2016 г., участники – А. П. Забияко, А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян). В ходе экспедиций были опрошены более 30 информантов, в том числе: Иван <Васильевич> Васильев (1923–2015, Эньхэ), Владимир Васильев (1956 г. р., Эньхэ), Тамара <Васильевна> Ерохина (1939 г. р., Эньхэ), Екатерина <Александровна> Литвинцева (1942 г. р., Эньхэ), Таисья Николаевна Петухова (1931–2016, Эньхэ), Василий Зоркальцев (1944 г. р., Эньхэ), Анна Первоухина (Дементьева) (1953 г. р., Эньхэ), Иван Дементьев (1945 г. р., Эньхэ), Александр (Шура) Чешнов (1938 г. р., Эньхэ), Клавдия Ушакова (1934 г. р., Лабдарин), Варвара Ушакова (1945 г. р., Лабдарин), Лидия Корытникова (1942 г. р., Шивей), Альгея Астафьева (1935 г. р., Шанкули) и др.

Лирические жанры трёхреченцев

Современное бытование русского фольклора в среде русскоязычных потомков Трёхречья позволяет сделать наблюдения о том, какие жанры оказались наиболее востребованными в наши дни «русской народностью Китая», какие сохранили не просто свою эстетическую привлекательность, но и языковую, этнокультурную информативность и содержательность.

Вопреки данным о том, что наиболее популярными в среде полукровцев являются устные истории и прозаические жанры [Кляус, 2015, с. 19], наш полевой опыт и живое общение с информантами в домашней среде – в будничной жизни и за праздничным столом – позволяют сделать вывод, что первостепенным значением для них обладают все же паремии и жанры лирические (частушки, лирические песни, детский фольклор). Это логически и прагматически оправдано: мнемоническая природа таких жанров основана на рифме, которая всплывает ассоциативно, порою немотивированно (при помощи механизмов детской памяти). Так, в беседе с нами А. Первоухина (65 л.) интересуется у китайского аспиранта – участника экспедиции, как его зовут. Тот отвечает: «Ваня». И тут Анна радостно выпаливает:

*Иван – болван,
Кишку порвал,
Она трышишит,
Иван пышишит.*

В настоящее время на посиделках исполняются наиболее актуальные для этих возрастных групп жанры – песни и частушки (припевки). Очевидно, что в подобном жанровом предпочтении сказывается и прагматика песенных жанров, и их эмоциональное воздействие: «Сказка – враль; песня – быль» [Л. Корытникова]. При этом песни могут быть как фольклорного, так и литературного происхождения, но это не фиксируется исполнителями – тексты песен усваивались и передавались в течение десятков лет устно, со многими искажениями и добавлениями («По диким степям Забайкалья», «Зач^{<э>}м же я вас, родненький, узнала...», «Варяг», «Рябина кудрявая», «Ой, цветет калина», «По Дону гуляет...» и др).

Репертуар трёхреченских пестельниц в целом отражает историю России конца XIX – начала XX в., а затем Советского Союза и его взаимоотношений с Китаем вплоть до конца 1950-х гг. Так, из уст Клавдии Ушаковой нами была записана песня времен Первой мировой войны «На изморе...» («На измор» – военная стратегия, используемая, в частности, Россией в годы Первой мировой войны. – Авт.) [Свечин, 1927, с. 61]:

*На изморе мы стояли, на германском берегу. (2 р.)
Мы стояли и смотрели, как волнуется волна. (2 р.)
И из моря туман поднялся, частый дождичек пролил. (2 р.)
В эту самую минуту враг-германец наступил. (2 р.)
Врёшь, ты, врёшь, <ты>, враг-германец, тебе нас не победить. (2 р.)
Как у нас оружий много, а мы любим угостить! (2 р.)
Угощам свинцовой пулей, на закуску стальной штык. (2 р.)
Штык, ты, штык, ты мой штыковец,
Просадил германцу грудь. (2 р.) <...>*

[К. Ушакова]

За песней про «германскую» сразу последовало исполнение песни революционных лет. В сознании информантки эти песни равно содержат мотивы прославления силы и мощи русского свободолобивого духа. При этом восприятию исполнительницы не чужд и профанированный вариант героической пес-

ни, широко известный в народной среде советских граждан (особенно детей).
«А потом они-то здесь приклали сами:

*Слушай, крестьянин, война началась
Бросай свое дело, на фронт собирайся!
Смело мы в бой пойдем
За суп с картошкой,
А то всех мы перебьем столовой ложкой».*

[К. Ушакова]

Особый интерес с точки зрения бытования в среде потомков русских эмигрантов представляет песня «Уходил я на фронт Жалайнора»:

<i>Уходил я на фронт Жалайнора,</i>	}	2 р.
<i>На защиту советских границ.</i>		
<i>Уходил – мне жена говорила,</i>	}	2 р.
<i>Что «вернись обратно живым.</i>		
<i>Я тебя никогда не забуду</i>	}	2 р. и т. д. каждое двустипшие
<i>И ты будешь навеки моим».</i>		

*Много время прошло с расставанья,
Много писем писал я жене,
Я писал, что вернусь обратно,
Я не знал, что случится беде.
Это дело было на рассвете,
Начинались нравны бои.
Шел вперед я со своею пишихотай,
Рвались мины и слышен был бой.
С молодой женой любовался
Любовался ее красотой,
Наступило суровое время,
Нашу жись разлучило с тобой.*

[К. Ушакова]

Из реалий, зафиксированных в песне, следует, что речь идет о событиях августа – ноября 1929 г. – Советско-китайском вооруженном конфликте на КВЖД [Чуйков, 1983, с. 26], повлекшем кровавые события в Трёхречье [Кровавые события в Трёхречье, 1929; День русской скорби, 1929; Финал трагедии ... , 1930].

Очевидно, что песня была создана на советской территории и постепенно проникла в фольклор трёхреченцев. В исполнении Клавдии Ушаковой это «старинна-старинна» песня, а ее сестра Варвара песню «не слыхала никогда». Исторический контекст песни вытеснен традиционной тематикой солдатской песни: муж приходит с фронта калекой, лишается любимой молодой жены. Чжалайнор (*Жалайнор*) становится той топонимической координатой, что ментально и эмоционально приближает содержание песни к переживаниям исполнительницы. А «защита советских границ» – образ, отвечающий настроениям трёхреченцев уже послевоенных лет; именно тогда и была усвоена песня нашей информанткой. Любопытно, что только данная песня является косвенным напоминанием о событиях 1929 г., при этом – с точки зрения советского погра-

ничника. В памяти исполнителя само событие никак не зафиксировано (установленный факт явным образом коррелирует с данными В. Л. Кляуса о бытовании в среде трёхреченцев устойчивых меморатов о событиях 1929 г. – *Авт.*), актуальной осталась только эмоциональная сторона и мелодика звучания песни.

В 1945 г. песенный запас трёхреченских русских пополнился советскими песнями военной поры («Катюша», «На позиции девушка провожала бойца», «Вставай, страна огромная» и др.), которые поются до сих пор с большим энтузиазмом. Одной из самых любимых является песня «Ночка поздняя стояла у ворот»:

Ночка поздняя стояла у ворот, (2 р.)
Вдоль по улице советский полк идет. (2 р.)
Впереди всех да офицерик молодой, (2 р.)
Он сказал: «Напой, красавица, водой!» (2 р.)
Напоила, крепко рученьку пожал, (2 р.)
На прощанья он ее поцеловал. (2 р.)
Лет семнадцать я во вдовушках жила, (2 р.)
Четырех сынов в солдаты отдала. (2 р.)
Не успела сына пятого отдать, (2 р.)
Вот вернулся к нам советский полк назад. (2 р.)
На квартиру к нам заехал генерал, (2 р.)
Весь израненный, так жалобно стонал. (2 р.)
Это тот, кого пошла я водой. (2 р.)
Голова его покрыта сединой, (2 р.)
Он поехал, я смотрела ему вслед, (2 р.)
Жалко стало, помутился в глазах свет. (2 р.)

[В. Ушакова, К. Ушакова]

Данная песня имеет известный прототип – «Помню, я еще молодухой была» (сл. Е. П. Гребёнки, муз. А. М. Ларме, 1841), также знаменитый разными вариантами – времен Гражданской войны и т. д. Однако в среде трёхреченцев усвоен именно «советский» вариант.

Исполнение и «старинных», и «новых» песен нашими информантами носит типологически сходный характер: часть реалий (топонимического, социокультурного, общеупотребительного характера) им абсолютно не знакома (например, название легендарного корабля «Варяг»). «Додумывание» этих реалий сродни действию механизма «детской этимологии»: «Врагу не сдаётся наш гордый *моряк*, / Пощады никто ни жилаит», «Гатовыи к бою орудия в ряд / На *солнце злодейства* сверкают!» [К. Ушакова]. «Солнце злодейства» – образ далеко не случайный, это символ знамени японской армии, в сознании трёхреченских русских – злейшего врага, так как они много пострадали в период «войны с японцами» в 1931–1945 гг.: «Я их не простила. И детям сказала – ни прашшу, и вам запыршшаю. И гоню ихых турыстов, када они ко мне приходют» [Т. Н. Петухова].

Любопытно в этом смысле звучание известной сегодня в России благодаря Гарику Сукачеву песни «А я милого узнаю по походке...» [Арии, романсы и песни ... , 1979]. Она представляет следующий вариант:

*Зачем же я вас, родненький, узнала,
 Зачем полюбила я вас?
 Ах, лучше б я этого не знала
 И ни страдала каждый час.
 Я милого узнаю по походке,
 Он носит белые штаны,
 Шляпу носит он панаму,
 Ботиночки он носит на рипах.
 Ой, скоро, ой, скоро я уеду.
 Уеду отсюда навсегда.
 В Одессу больше не приеду.
 Забуду ее я навсегда.*

[К. Ушакова]

По всей видимости, песня «отпочковалась» от известного романса «Зачем тебя я, милый мой, узнала?», сочинение которого приписывается композитору А. Дюбюку на слова неизвестного автора, и стала бытовать как оригинальная песня (с 1913 г.) [Овсянников, 2015].

При исполнении песни К. Ушаковой выяснилось незнание информантами географических топов бывшей Российской империи (и бывшего Советского Союза):

Варвара Ушакова. Сестра, забуду его я навсегда.

Клавдия Ушакова. В Одессу, чё ли? Его Одесса, чё ли? В Одессу-то её! Одессу – забуду?

В. У. А кто это, Одесса-то?

А. З. Город такой.

К. У. Город такой это!»

В. У. А мы поем:

*Ой, скоро, ой, скоро я уеду.
 Уеду отсюда навсегда.
 В Одессу больше не приеду.
 Забуду его я навсегда.*

К. У. Так это неправильно, а мы еще поем:

*В Сиратуй¹ больше не приеду.
 Забуду его я навсегда.*

К. У. А еще прибавлено:

*Скоро мы с милым пофартуем
 И будем жить тогда вдвоем.
 Квартирки две-три мы обворуем,
 Тогда мы на славу заживем.
 Квартирки две-три мы обворуем
 Тогда мы на славу заживем.*

Итак, трёхреченский вариант более близок дореволюционному либо эмигрантскому изводу.

¹ Сиратуй – поселок в Трёхречье.

Как следует из интервью с нашими информантами из Эньхэ, Шивэя, Лабдарина, наряду с лирическими песнями во время праздников трёхреченские русские исполняли и исполняют частушки (припевки): «Половина русская, половина китайская, но долго обед сидели, гармония была. Раньше песни, частушки пели» [А. Астафьева]:

*Мой миленок – виноград,
Идет по улочке – играт;
Он – играт, а я – пою,
Весело в нашем краю!*

[Т. Н. Петухова]

Частушки в Трёхречье по традиции пелись девушками, парнями, затем, с течением времени, женщинами либо мужчинами средних лет, сейчас в основном «старушками» (по их самоопределению), – стариков осталось немного:

*Болят ручка, ножка,
Болят голова,
На грудь не здорова,
Сама чуть жива.*

[А. Астафьева]

Исполнение осуществлялось под балалайку или гармонь. В настоящее время осталась гармонь, но балалайка жива в «памяти текста» частушки:

*Ой, девки, беда:
Балалаечка худа!
Надо деньги копить –
Балалаечку купить!*

[В. Зоркальцев]

Кстати, именно так наш информант и поступил: попросил русских водителей привезти из России балалайку и сам худо-бедно выучился на ней играть.

Частушка, по общему мнению, – жанр «сиюминутный». В нем отражаются чаяния и переживания сегодняшнего дня: любовные, социальные, политические и т. д. [Селиванов, 1990, с. 5–28]. Ныне в Трёхречье эта злободневность частушки утрачена, современные реалии не стимулируют массового рождения частушек, кроме следующих:

*Наша речка неглубока:
Видно камушки,
Наши девки не гуляют,
Записались в бабушки.*

[Т. Н. Петухова]

Как видно, сам механизм порождения частушечного текста сохраняется – в данном случае он построен на параллелизме и юмористическом уподоблении природных и антропологических реалий. Действительно, со временем р. Хаул в Караванной (Эньхэ) обмелела, рыба из нее ушла; бывшие молодки постарели, «записались в бабушки».

Частушка может возникнуть в результате жанровой трансформации – например из небылицы, бытующей в современном русском фольклоре [Мишка косолапый ... , 2008], совпадающей по ритмическим и синтаксическим пара-

метрам с частушкой. Так, Таисья Николаевна Петухова в разговоре с нами вдруг произносит речитативом:

*Между небом и землею
Поросенок вился
И нечаянно хвостом
За небо зацепился!*

И, смеясь, поясняет: «Так вот и я в Китае зацепилась!»

Небылицы в сочетании с дразнилками в памяти трёхреченцев связаны с местными реалиями:

*Наш Егор поехал в Ланцыгор².
На Ивановой телеге, на скрипучем <на> коне.
Он овсом телегу мазал, дегтем-то коня поил.
Топором подпоясался, <a> штанам дрова рубил.*

Некоторые тексты несут в себе реалии, уже незнакомые современным трёхреченцам. Это относится к активно исполняемой целым ансамблем русских полукругцев припевке:

*Ты Бубриха, я Бубров.
Ой, завтра праздничек Покров!
За-автра праздничек Покров –
Ты без сена, я без дров.*

[В. Ушакова; А. Астафьева]

Любопытно, что наши информанты, усвоив припевку от матери, зная про праздник Покрова, не понимают, о ком идет речь: «А мы чё думаем: что это за Бубриха да Бубров?» [В. Ушакова]. Очевидно, что Бубриха и Бубров – это антропоморфизированные образы бобрехи и бобра, символа семейных уз и трудолюбия. Праздник Покрова в старину был концом сельскохозяйственных работ крестьянской общины и определял начало либо свадебного сезона, либо сватовства. Сегодня в отечественном фольклоре практически утрачена данная связь православного и языческого компонентов в обрядовых формах. Варианта данной трёхреченской частушки мы не обнаружили в российских собраниях. Однако и на территории Забайкалья не живут бобры. Текст частушки-припевки был усвоен от пришлого населения – возможно, от ссыльных в Забайкалье, откуда и происходят многие предки наших информантов.

В целом жанрово-тематический репертуар популярных в настоящее время среди трёхреченских русских припевок весьма разнообразен и репрезентативен с точки зрения поэтики, региональной специфики, этнокультурной установки, отношения к реалиям уже прошедшей эпохи (военным событиям, работе в коммуне («совхозе»), обустройству личной жизни). Самый большой корпус трёхреченских частушек составляют любовные частушки, что вполне естественно для бытования данного жанра (например, цикл «Подружка» и др.). В этих разнообразных по своей поэтике и композиционному строению текстах отражены переживания молодых девушек по поводу взаимоотношений с возлюбленным и замужества:

² Ланцегор – село в Трёхречье (не сохранилось).

*Хорошо ту травку косить,
Катора сама косица;
Хорошо тою любить,
Катора сама просица.*

[Т. Н. Петухова]

Нами были записаны юмористические частушки о межнациональных браках китайских мужчин и русских девушек. Решающую роль играет этнокультурная идентичность исполнительниц – они считают себя русскими (этнических же китайянок именуют «китаюхами»). В частушках нашла отражение непривычность китайской кухни для русских женщин. Например, отсутствие в рационе китайцев привычного хлеба:

*Ой, милочка моя,
Почему ты похудела?
– За китайцем я была,
С пару манты³ ела*

[Т. Н. Петухова]

В целом же этническая установка по отношению к китайцам у русских трёхреченцев была позитивна. Так, Таисья Николаевна Петухова на вопрос: «А как жили с китайцами-то?» отвечала не задумываясь: «Хорошо жили, дружно» [Забияко, Забияко, 2016].

В популярных трёхреченских частушках нашли место и события военных лет. Скорее всего, данная частушка возникла еще в годы Гражданской войны:

*Стрелю, стрелю из винтовочки
Под самы небеса:
Не шевельте мою шмарочку,
Не делайте греха!*

[Т. Н. Петухова]

Однако некоторые «припевки» имеют отчетливо выраженный местный колорит, отражая эпоху создания коммунальных хозяйств и народного отношения к ним:

*Я в коммунию зашла –
Юбка новая.
Из коммуни пошла –
Жопа голая*

[Т. Н. Петухова]

В связи с этим любопытную трансформацию в Трёхречье пережила песня «Как родная меня мать провожала» («Проводы», 1918 г.; муз. Д. Васильева-Буглая, сл. Демьяна Бедного):

*Доча, дома посиди, лучше дело:
Почучься шить варить, хлебы делать!
Я пойду-ка в клуб гулять – почучься.
Ой, все равно я в кансамоль запишусь!*

[В. Ушакова]

³ Манты, маньтоу (кит. – 饺子) – паровые пампушки из пшеничной муки, повседневная пища китайцев.

Несмотря на элементы этнокультурного синкретизма, обусловленного тесным взаимодействием русского и китайского начал в сознании трёхреченских русских, эти жанры бытуют на русском языке. «Это моя бабушка рассказывала», «наша мама говорила», «мама наказывала», «мамина песня» – такие фразы предваряют либо завершают исполнение того или иного жанра.

Прозаические жанры русской народности Китая

Кроме лирических жанров (припевок, прибауток, лирических песен), нами были записаны эпические жанры (паремии, были, былички, бывальщины, легенды, сказки).

Мифологические рассказы вспоминаются трёхреченцами с трудом: «Еще рассказывали, один муж <чина> на войну ушел, его жена осталась дома. Потом письмо писали-писали, потом не стали писать. Она дома жила, потом задавилась (повесилась. – *Авт.*), он с войны пришел. Вечером на коне едет домой, а дом на краю деревни, в ограду заходит, а во дворе трава-то высока. Конь не заходит в ограду, конь знает, что человека нет. Он на войне был, он не боится никого. Он зашел, дверь открыл, она вышла, в дом не дает зайти. Ему походить по дому надо, раньше жили, в церковь ходили, говорили, надо вместе помирать. Он ее повел, к церкви вместе пошли, потом могилу нашли. Она говорит: “В могилу залезай”. Он глядит – она задавита (мертвая. – *Авт.*) там, а это черти. Он говорит: “Ты лезь первая”. Она туды залезла, он побежал, она догонят его. Он бежит-бежит, там в поселке в избе огонек горит, он в эту избу забежал. Там дед один помер и лежит, и никого нет. Он смотрит – русска печка, он туды залез, она в избу зашла, там дед встал, она говорит: “Давай моёва”, а дед говорит: “Где твой?”, начали драться. А он там на печке лежит, не высовывается. Тут начали петухи петь, они и упали тама. Тут народ пришел, смотрит – в ограде один лежит, в избе один и на печке еще один, живой – не помер. Это бабушка рассказывала» [И. Дементьев].

Сюжет этой бывальщины о покойнике типологически близок восточносибирскому сюжету [Е. А. Воложжина, 1898 г. р., запись 1978 г., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл.] [Зиновьев, 1987].

Почти забытый фольклорный жанр в среде трёхреченцев – сказки. Это объясняется самим бытованием сказки, которая, как правило, в большей степени востребована детской аудиторией. Так как наши информанты не имели возможности рассказывать русские сказки своим детям (это было время «культурной революции»), а их внукам уж тем более эти сказки рассказывать нет возможности – те не говорят по-русски, живое дыхание сказочной стихии было прервано. Однако память языка, детских впечатлений берет свое в пожилом возрасте, и после определенных усилий сказки (по нашей просьбе) вспоминаются. Сказочная проза трёхреченских русских представляет собой удивительную контаминацию древней тотемистической мифологии, традиционных сюжетов волшебной и кумулятивной сказки, региональных мотивов (например, сказка «Нюрочка-снегурочка»).

«Жил-был старик со старушкой, у их нету детей, а они потом из снегу сделали Нюрочку-снегурочку <...>. Ребятишки пришли, говорят: “Отпусти, ба-

бушка, Нюрочку-снегурочку с нам по ягоду”. Она говорит: “Нет, она приста-нет – не придет назад”. “А потом мы ее на кокурки да все равно притащим”; ушли. Там медведь вышел. Вышел потома-ка, огонь зажег: “Кто это перебежит, тот домой валите, а кто не перебежит, останься”. Она ж из снегу сделана, она боится, потом осталася, плачет, он ее туды увел тама-ка, потом сама-ка искать исть ушел. Потом ребятишки домой ушли, говорят: “Бабушка с дедушкой, Ню-рочку-снегурочку медведь оставил и теперь чё делать?” Пришел бык: “Му-му-му, бабушка с дедушкой, не плачь, я пойду за ней, а если привезу, она невеста мне будет”. Бабушка с дедушкой: “Ну, можно”. В лес пришел – медведя нету, говорит: “Нюрочка-снегурочка, скорей рви траву, мне жопу затыкай и садись скорей”. Она сюды сяла, и медведь-то услышал, побежал, они скорей, уж дого-нят. “И за хвост уже соломку-то, говорит, выдерни!”. Она как выдернула, а он как дрыщит медведю-то на лицо, так они <давно> убежали. Так он же парень, а не бык, так он кого – перенаделся и пришел. “Я, – говорит, – бык-то я. Де-душка с бабушкой-то – как говорили, что она будет мне невеста”. – “Можно”. Начали гулять-та, пить... Это мы маленьки были – мама Расскажи <рассказы-вала>» [И. Дементьев].

Заключение

Таким образом, в исторических обстоятельствах формирования и воспроизводства русской диаспоры Трёхречья не идеология, литература, государственная религия и другие формы «высокой» культуры стали основой сохранения русской традиции. В народной среде, долгое время не имевшей доступа к образованию, церковной жизни, устоям мировоззрения страны исхода, прежде всего фольклор выполнял задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти и важнейших представлений, свойственных русской культуре. Яркие фольклорные формы, четкость и выразительность смыслов фольклорных образов и сюжетов стимулировали в сообществе эмигрантов и их потомков сохранение важнейшего фундамента национальной идентичности – языка родной культуры.

Фольклор обнаружил свойственную его глубинной природе гибкость, живучесть и устойчивость к инокультурным влияниям. Функционируя на низовом, семейно-бытовом уровне, он выдержал жесткое давление «культурной революции» и иных политических кампаний, которые до основания подорвали другие, более явно выраженные, устои образа жизни русских в Трёхречье – школьное образование, церковное православие и т. д. Обращение к жанрам русского фольклора (песням, припевкам, прибауткам, сказкам) стало действенным механизмом поддержания русской идентичности. Устное словесное творчество на родном языке явилось важным фактором сохранения национальной исторической памяти и воспроизводства русской идентичности – как в масштабах личности, одной семьи, так и в целом диаспоры.

Список литературы

Аргудяева Ю. В. Русские казаки-забайкальцы в Северо-Восточном Китае / Ю. В. Аргудяева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2015. – Вып. 11. – С. 152–169.

Арии, романсы и песни из репертуара Е. В. Шумской [Ноты]: для сопрано в сопровожд. фп. / исполн. Е. В. Шумская ; [сост. П. А. Пичугин]. – М. : Музыка, 1979. – С. 93–94.

День русской скорби // Гун-Бао. – 1929. – 15 окт., № 848. – С. 1.

Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта. Культура и литература русского Харбина / А. А. Забияко. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2016. – 437 с.

Забияко А. А. Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трёхречья) / А. А. Забияко, А. П. Забияко [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/ru/czasopismo-online/> (дата обращения: 15.10.2016).

Забияко А. А. Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде / А. А. Забияко, А. П. Забияко // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 2. – С. 160–172.

Забияко А. А. Меж двух миров. Русские писатели в Маньчжурии / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2009. – 361 с.

Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современные виды / В. П. Зиновьев // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 381–400.

Кляус В. Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры / В. Л. Кляус. – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – 416 с.

Кормазов В. А. Барга: Экономический очерк / В. А. Кормазов. – Харбин : КВЖД, 1928. – 328 с.

Кровавые события в Трёхречье // Рубеж. – 1929. – № 43. – С. 11.

Мишка косолапый. Русские народные песенки и потешки. – М. : Стрекоза, 2008. – 35 с.

Овсянников Н. Долгие странствия одесской панамы [Электронный ресурс] // Алеф. – 2015. – 23 июня. – URL : www.alefmagazine.com/pub4075.html (дата обращения: 28.08.2016)

Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власов, Н. С. Полищук. – М. : Наука, 2005. – 828 с. – (Народы и культуры).

Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Лешоко, А. А. Хисамутдинов. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2015. – 462 с.

Свечин А. А. Стратегия / А. А. Свечин. – М. : Воен. вестн., 1927. – 265 с.

Селиванов Ф. Народная лирическая поэзия последнего столетия / Ф. Селиванов // Частушки. – М. : Сов. Россия, 1990. – 656 с. – (Библиотека русского фольклора ; т. 9).

Тарасов А. П. Русская национальная волесть Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае / А. П. Тарасов // Общество и государство в Китае. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2014. – Т. XLIV, ч. 2. – С. 187–208.

Финал трагедии Трёхречья. Похороны 27 расстрелянных жителей поселка Тыныхэ // Рубеж. – 1930. – № 21. – С. 5.

Чуйков В. И. Миссия в Китае / В. И. Чуйков. – М. : Воениздат, 1983. – 252 с.

Dong Xian Rui. Er gu na e luo si zu / Dong Xian Rui, Yan Guang Qing. – Er gu na : Lang man zhi cheng xi lie cong shu bian wei hui, 2013. – 321 p.

Qing Jue. En he cun diao cha / Qing Jue. – Beijing : Zhong guo jing ji chu ban she, 2011. – 430 p.

Zhang Xiao Bin. Nei meng gu e luo si zu / Zhang Xiao Bin. – Hailar : Nei meng gu wen hua chu ban she, 2015. – 398 p.

Folklore of the Russian Diaspora of Three River Region (Sanhe Qu) as the Basis of the Ethnicity Preservation

A. A. Zabiyako, A. P. Zabiyako, Ya. V. Zinenko, Zhang Ruyang

Amur State University

Abstract. The article based on the materials of field researches of Russian-speaking diaspora of Three River Region (Sanhe Qu), Inner Mongolia, China conducted in 2015–2016, and is concerned with the ethno-cultural strategies of Russian identity preservation in the Chinese environment. The authors conclude that for this ethnic group (official Russian ethnic group of China) language and folklore are the most important factors of preserving Russian identity. Folklore used to carry out the mission of fixing, preservation and transmission of the historical memory and main ideas of Russian culture within the Russian diaspora of Three River Region that had not have access to education, church life, and ideology of the exodus country. Previously unknown folklore texts (lyrical songs, nursery rhymes, folk songs, folk stories, fairy tales) and the texts previously prevailing in the territories of Transbaikalia, East Siberia, and now preserved only among the Russian population of Three River Region are published and analyzed in the article. Special features of the folklore of Russian diaspora in the Chinese Three River Region are, on the one hand, the current existence of their archaic variants, on the other – appearance of the other-cultural (Chinese, Mongolian) motives and images. Despite the other-cultural component, Russian folklore showed the flexibility, vitality, and resistance to foreign cultural influences, habitual to its rich nature. Functioning on the «grassroots level» (in everyday life and within the families of the inhabitants of Three River Region) it withstood the pressure of the «cultural revolution» and other political campaigns that exploded some other, more strongly marked, foundations of the way of life of Russians in Three River Region – school education, church orthodoxy, etc.

Keywords: migrations, Three River Region (Sanhe Qu), China, ethnography, language, folklore, ethnicity.

References

Argudyaeva Yu. V. Russkie kazaki-zabaikaltsy v Severo-Vostochnom Kitae [Russian Cossacks-transbaikalian in North-Eastern China]. *Rossiya i Kitai na dalnevostochnykh rubezhakh. Istoricheskii opyt vzaimodeistviya kultur [Russia and China on far Eastern frontiers. Historical experience of interaction of cultures]*. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2015, Is. 11, pp. 152–169. (in Russ.)

Arii, romansy i pesni iz repertuara E. V. Shumskoi [Noty]: dlya soprano v soprovozhdenii fortepiano [Arias, romances and songs from the repertoire of E. V. Shumskaya [Sheet music]: for soprano and piano]. Moscow, Muzyka Publ., 1979, pp. 93–94. (in Russ.)

Chuikov V. I. *Missiya v Kitae [Mission in China]*. Moscow, Voenizdat Publ., 1983, 252 p. (in Russ.)

Den russkoi skorbi [The day of Russian sorrow]. *Gun-Bao [Gun-Bao]*. 15 October 1929, Is. 848, pp. 1. (in Russ.)

Dong Xian Rui, Yan Guang Qing. *Er gu na e luo si zu*. Er gu na, Lang man zhi cheng xi lie cong shu bian wei hui, 2013, 321 p. (in Chin.)

Final tragedii Trekhrechiya. Pokhorony 27 rasstrelyannykh zhitelei poselka Tynykhe [The final tragedy of Trekhrechiye. Funeral 27 shot villagers of village Tynykhe]. *Rubezh [Frontier]*. 1930, Is. 21, pp. 5. (in Russ.)

Klyaus V. L. «*Russkoe Trekhrechiye*» Manchzhurii. *Ocherki folklori i traditsionnoi kultury ["Russian Trekhrechiye" of Manchuria. Essays on folklore and traditional culture]*.

Moscow, IWL RAS Publ., 2015, 416 p. (in Russ.)

Kormazov V. A. *Barga: Ekonomicheskii ocherk [Barga: Economic essay]*. Kharbin, The Chinese Eastern railway Publ., 1928, 328 p. (in Russ.)

Krovavye sobytiya v Trekhrechiye [The bloody events in Trekhrechiye]. *Rubezh [Frontier]*. 1929, Is. 43, pp. 11. (in Russ.)

Mishka kosolapyi. Russkie narodnye pesenki i poteshki [Bear Bruin. Russian folk songs and nursery rhymes]. Moscow, Strekoza Publ., 2008, 35 p. (in Russ.)

Ovsyannikov N. Dolgie stranstviya odesskoi panamy [The long journey of Odessa Panama]. *Alef [Alef]*. 23 June 2015, URL : www.alefimagazine.com/pub4075.html (date of access 28.08.2016)

Qing Jue. *En he cun diao cha*. Beijing, Zhong guo jing ji chu ban she, 2011, 430 p. (in Chin.)

Russkie [Russian]. Responsible editors V. A. Aleksandrov, I. V. Vlasov, N. S. Polishchuk. Moscow, Nauka Publ., 2005, 828 p. (Narody i kultury [Peoples and cultures].) (in Russ.)

Selivanov F. Narodnaya liricheskaya poeziya poslednego stoletiya [Folk lyrical poetry of the last century]. *Chastushki [Ditty]*. Moscow, Soviet Pussia Publ., 1990, 656 p. (Biblioteka russkogo folklor; T. 9 [A Library of Russian folklore contains; Vol. 9]). (in Russ.)

Svechin A. A. *Strategiya [Strategy]*. Moscow, Voennyi vestnik Publ., 1927, 265 p. (in Russ.)

Tarasov A. P. Russkaya natsionalnaya volost Enkhe v Barge: poisk russkimi svoei natsionalnoi identichnosti v prigranichnom Kitae [Russian national volost Enkhe in Barga: search Russian of their national identity in the border China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [State and society in China]*. Moscow, IOS Publ., 2014, Vol. XLIV, part 2, pp. 187–208. (in Russ.)

Zabiyako A. A. *Mentalnost dalnevostochnogo frontira. Kultura i literatura russkogo Kharbina [The mentality of the far Eastern frontier. Culture and literature of the Russian Harbin]*. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2016, 437 p. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Efendieva G. V. *Mezh dvukh mirov. Russkie pisateli v Manchzhurii [Between two Worlds. Russian writers in Manchuria]*. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2009, 361 p. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Zabiyako A. P. *Folklor kak osnova sokhraneniya russkoi identichnosti v kitaiskoi srede (po materialam Trekhrechiya) [Folklore as a basis for the preservation of Russian identity in the Chinese environment (on materials of Trekhrechiye)]*. 2015, URL: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/ru/czasopismo-online/> (date of access 15.10.2016)

Zabiyako A. A., Zabiyako A. P. Russkie Trekhrechiya: folklor kak osnova sokhraneniya identichnosti v kitaiskoi srede [Russian of Trekhrechiye: folklore as a basis of identity in the Chinese environment]. *Problemy Dalnego Vostoka [Problems of the Far East]*. 2016, Is. 2, pp. 160–172. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Zabiyako A. P., Levoshko S. S., Khisamutdinov A. A. *Russkii Kharbin: opyt zhiznestroitelstva v usloviyakh dalnevostochnogo frontira [Russian Harbin: construction experience life in the Far Eastern frontier]*. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2015, 462 p. (in Russ.)

Zhang Xiao Bin. *Nei meng gu e luo si zu*. Hailar, Nei meng gu wen hua chu ban she, 2015, 398 p. (in Chin.)

Zinoviev V. P. Bylichka kak zhanr folklor a i ee sovremennye vidy [Bylichka as a genre of folklore and its modern types]. *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri [Mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 381–400. (in Russ.)

Забияко Анна Анатольевна

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой литературы
и мировой художественной культуры
Амурский государственный университет
675530, Россия, г. Благовещенск,
ул. Игнатьевское шоссе, 21
e-mail: sciencia@yandex.ru

Zabiyako Anna Anatolievna

Doctor of Science (Philology), Professor,
Head of the Department of Literature and
World Art
Amur State University
21, Ignatievskoe shosse st.,
Blagoveshchensk, Russia, 675530
e-mail: sciencia@yandex.ru

Забияко Андрей Павлович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой религиоведения
и истории
Амурский государственный университет
675530, Россия, г. Благовещенск,
ул. Игнатьевское шоссе, 21
e-mail: sciencia@yandex.ru

Zabiyako Andrej Pavlovich

Doctor of Science (Philosophy), Professor,
Head of the Department of Religious Study
and History
Amur State University
21, Ignatievskoe shosse st.,
Blagoveshchensk, Russia, 675530
e-mail: sciencia@yandex.ru

Зиненко Яна Викторовна

аспирант, кафедра религиоведения
и истории
Амурский государственный университет
675530, Россия, г. Благовещенск,
ул. Игнатьевское шоссе, 21
e-mail: yasya11111@mail.ru

Zinenko Yana Viktorovna

Postgraduate, Department of Religious
Study and History
Amur State University
21, Ignatievskoe shosse st.,
Blagoveshchensk, Russia, 675530
e-mail: yasya11111@mail.ru

Чжан Жуан

аспирант, кафедра литературы
и мировой художественной культуры
Амурский государственный университет
675530, Россия, г. Благовещенск,
ул. Игнатьевское шоссе, 21
e-mail: 358860148@qq.com

Zhang Ruyang

Postgraduate, Department of Literature and
World Art
Amur State University
21, Ignatievskoe shosse st.,
Blagoveshchensk, Russia, 675530
e-mail: 358860148@qq.com